

Максим Орлов

Слеза мертвеца

Максим Орлов

Слезка мертвеца (серия GALAXY-Z)

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Слеза мертвеца (серия GALAXY-Z) / М. В. Орлов — «Автор»,
2026

В мире без героев есть только должники. Илья Северов — ветеран-сборщик корпорации «Гелиос-Терра». Его единственный шанс вернуться на Землю — добыть яд Хтонцев из Разлома Бурлящей Пены. Эти твари не пьют кровь; их нейротоксин растворяет нервную систему заживо, чтобы высосать память вместе с плотью. Но именно этот яд нужен корпорациям для защиты шахтеров от радиации. Его напарница Мара Вэнс верит протоколам, а он знает закон Дна: выживает тот, кто готов прижечь руку плазменным резакom сквозь броню. Когда поцелуй Хтонца прошивает шлем Мары, начинается трансформация. Токсин переписывает её ДНК, превращая девушку в хищника, способного видеть тепло сквозь стены. Илье придётся сдерживать мутирующую напарницу ремнями рюкзака, пока корпорация ждёт формулы. Им нужны не герои. Им нужна клетка. И бухгалтерия просто спишет активы.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Слюна мертвеца	5
Глава 2. Спуск во тьму	7
Глава 3. Обряд Кровавого Следа	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максим Орлов

Слеза мертвеца (серия GALAXY-Z)

Глава 1. Слюна мертвеца

В «Нижней глотке» было темно и тесно, как в могиле для карликов. Ледяной город Барроу-Сити не строили — его выгрызали во льду термобурами, и архитектура здесь подчинялась только экономии пространства. Потолок ангара-бара подпирали настоящие сталактиты из замерзшего конденсата.

Я сидел на приваренном к полу стуле, медленно цедя синтетический спирт. Жидкость была теплой и воняла горелой проводкой, но она хотя бы давала иллюзию тепла в промерзших костях. Передо мной на липком столе лежал пустой стакан, пачка просроченного радиопротектора и терминал оплаты с мигающей строкой долга: *«Минус 400 кредитов. Отключение систем жизнеобеспечения жилого блока через 72 часа»*.

Мои пальцы левой руки до сих пор плохо сгибались после прошлой ходки. Суставы ныли на смену давления. Я смотрел на свои ладони — старые, покрытые сетью мелких шрамов и белыми пятнами обморожений. Еще один такой поход, еще одна ампула ферментативного концентрата, проданная перекупщикам мимо кассы корпорации, и я смогу выкупить свою долю в кислородном конвертере. Смогу купить билет куда-нибудь вниз по гравитационному колодцу, где нет вечной зимы. Больше никаких Хтонцев.

Стул напротив меня взвизгнул по металлическому полу. Ногти, царапнувшие сталь, были идеально ухоженными.

Она села без приглашения. От нее пахло озоном верхних атмосферных фильтров, стерильным пластиком и чем-то цветочным, чего мой нос не распознавал уже лет десять. Дорогое корпоративное пальто со встроенным климат-контролем выглядело здесь как насмешка. Идеальная кожа, волосы цвета воронова крыла собраны в тугий узел, ни единой пряди не выбилось. На коленях — титановый планшет-планшет.

— Илья Северов? — Голос у нее был чистый, поставленный, лишенный хрипотцы, которая неизбежно появляется от дыхания через фильтры-маски. — Старший полевой биолог Мара Вэнс. Департамент био-адаптации «Гелиос-Терра».

Я молча сделал глоток спирта. Пусть говорит. У меня долг четыреста кредитов, а корпорация обычно приходит либо за органами, либо за кровью.

— У вас открытое окно контракта на сбор биомассы категории «А», — продолжила она, активируя голографическую печать над столом. Красные буквы мигали так ярко, что резало глаза. — Разлом Бурлящей Пены. Живой вес. Оплата удваивается. — Охота легализована, — процедил я. — Но лед внизу жрет людей быстрее, чем твари успевают их переварить. Если тебе нужен труп, найми самоубийц дешевле. — Мне не нужны трупы, — она подвинула планшет ко мне. — Мне нужна живая особь. Корпорация выделила оборудование нового типа. Портативный крио-саркофаг серии «Мидас». Мы берем Хтонца, погружаем в глубокую гипотермию, он даже не успевает впрыснуть нейротоксин. Чистая доставка. Никаких потерь нервной ткани.

Я скосил глаза на ее наплечный ранец. Титановые ребра саркофага тускло поблескивали голубым индикатором заряда. Красивая игрушка. Проблема заключалась в том, что магнитные аномалии Теллур-54 выжигают сложную электронику ровно за то время, которое требуется человеку, чтобы сделать глубокий вдох.

— Твой «Мидас» превратится в кусок мертвого льда на первой же миле спуска, — сказал я. — Батареи ослепнут от индукционных токов во льду. Когда ты свалишься в расщелину, твой идеальный пластик станет просто очень дорогим гробом. Там, внизу, работает только

механика и химия. И везение. — Протокол безопасности требует использования сертифицированного оборудования, — отрезала она. Впервые в ее голосе проскользнуло раздражение. Она привыкла, что люди прыгают при щелчке ее пальцев. — Вы подпишете контракт или нет? Мне нужен проводник, знающий тропу к гнезду. Приказ руководства.

У меня не было выбора. Не потому, что приказ, а потому, что четыре сотни кредитов висели на шее петлей. За отказ корпораты могли аннулировать мою лицензию добытчика навсегда, превратив остаток жизни в каторжную чистку вентиляционных шахт.

Сделка есть сделка, какими бы гнилыми ни были условия. Я взял световое перо холодными пальцами. Чернила внутри загустели от холода, писать приходилось с усилием. Я подписал свою фамилию под пунктом о передаче прав на добычу. Риск — мой. Фермент — их.

— Выход через сорок минут, — я бросил перо обратно в стакан, оно звякнуло о стекло. — Ангар D-12. — Я распоряджусь подготовить вездеход, — она начала собирать планшет. — Стой, — я поднял руку. Спирт наконец добрался до желудка, разлив по телу тяжелое тепло. — Ты никуда не пойдешь. — Это почему? — она вскинула подбородок. Аристократическая брезгливость пополам с недоумением. — Потому что там внизу мясорубка, — я кивнул на ее идеальные руки. — Посмотри на себя. Ты дышишь воздухом, который стоит дороже моей почки. Ты видела этих тварей только в учебниках. Первый же поцелуй Хтонца растворит твои нервные стволы в кашу, пока ты будешь вспоминать параграф инструкции. Мне не нужны пассажиры. Мне нужен кто-то, кто умеет держать плазменный резак, когда трясет лед, и знает, что делать, если у твоего напарника пошла кровь из глаз. — Я прошла курсы экстремальной биологии! — возмутилась она. — Я знаю анатомию Хтонцев! — Анатомия меняется, когда они голодны, — я встал. Мои суставы протестующе скрипнули. — Найди себе другого лоха. Или плати двойную ставку наемникам снизу. Только учти: они заберут половину добычи, а тебя саму пустят на консервы, если кончатся пайки.

Она смотрела на меня снизу вверх. В полумраке бара ее лицо казалось высеченным из мрамора. Затем ее взгляд упал на мой терминал оплаты, все еще мерцающий красным на краю стола. На мои руки. На дешевый спирт в стакане. Умная девочка. Поняла, что терять мне нечего, кроме долгов.

Ее плечи едва заметно опустились. Маска идеальной сотрудницы дала трещину. — Хорошо, — тихо сказала она. — Что нужно взять? — Ничего из того, что выдали в отделе снабжения, — я натянул на голову капюшон потертой куртки. — Оставь свое пальто здесь. Оно приморозит тебя к креслу вездехода. Возьми три комплекта шерстяного белья — настоящего, животного происхождения, если сможешь найти. Десять блоков химического тепла. Те синие палочки, которые греют руки. Много. И армейский тесак. Электроника умрет, Мара. Резать придется сталью.

Я развернулся к выходу. Ледяной сквозняк из шлюза ударил в спину, мгновенно покрывая инеем пролитый на стол спирт. — Через тридцать минут, — бросил я через плечо. — Опоздаешь — улетишь без тебя. И да... держись позади меня. Всегда. Если услышишь шипение пара — падай лицом в снег. Это значит, что кто-то рядом пустил слюну мертвеца.

Дверь шлюза закрылась за мной с тяжелым гидравлическим вздохом. Я остался один в ледяном коридоре, чувствуя, как привычная тяжесть предстоящего спуска ложится на плечи. Девчонка шла на убой. А вместе с ней, возможно, единственный шанс выбраться из этой ледяной могилы.

Глава 2. Спуск во тьму

Ангар D-12 встретил нас ревом дизельных генераторов и запахом горелой ветоши. «Мамонты» — тяжелые гусеничные тягачи, переделанные из старых военных эвакуаторов, стояли на аппаратах. Их броня была покрыта коркой старого льда и следами сварки. Это были не корпоративные машины; это были падалышки, собранные из трупов другой техники.

Подготовка к выходу напоминала мрачный ритуал. Механики в толстых фартуках поверх скафандров заливали в баки густую, как смола, смесь переработанной органики и антифриза. Я стоял у верстака, проверяя плазменный резак. Газ подавался нестабильно — игла форсунки засорилась. Мара крутилась рядом, прижимая к груди свой планшет. На фоне промасленных тросов и ржавых балок ее стерильное пальто выглядело нелепо.

— Температура реактора падает, если мы сбрасываем скорость ниже десяти узлов, — сказала она, пытаясь перекрыть гул компрессора. — Согласно спецификации «Мидаса», криосаркофаг потребляет сорок процентов энергии ходовой. Нам нужно будет делать остановки для прогрева каждые два часа. — Спецификация писалась для парковки возле космопорта, — я продул форсунку сжатым воздухом. Сопло плюнуло синим пламенем. — Здесь нет розеток, биолог. Если твой ящик начнет жрать больше сорока пяти процентов, Ржавый просто отстрелит его из гранатомета, чтобы спасти остальной караван. Уяснила?

Она поджала губы, но кивнула. Протоколы рассыпались при столкновении с реальностью ледяного голода.

Мы начали облачение. Процесс надевания внешней оболочки экзоскелета всегда напоминает подготовку к казни: тебя затягивают ремнями, герметизируют стыки, и ты понимаешь, что следующая порция мочи выйдет из тебя только через пластиковый катетер.

Мара возилась со своим костюмом уже десять минут. Магнитные фиксаторы на бедрах никак не хотели сходиться — сказывалась разница в размерах, костюм был ей велик. — Помогите, — наконец выдохнула она, краснея от натуги и холода ангара. Я подошел без единого слова. Мои руки действовали автоматически. Щелк. Ш-ш-ш... Герметизация левого узла. Щелк. Ш-ш-ш... Правого. Я затянул страховочный пояс на ее талии так туго, что она охнула. — Дышать сможешь? — спросил я. — Смогу, — прохрипела она. — Ты пытаешься меня раздавить. — Нет. Просто готовлю поводок. Если начнешь паниковать на дне, я потяну за него. Будет больно, зато останешься в живых.

Я защелкнул на ее поясе крепления для инструментов. Вместо дорогого лазерного дальнометра повесил тяжелый армейский компас с гироскопической стабилизацией. — Электроника умрет, как только мы пересечем линию магнитных аномалий, — пояснил я, заметив ее взгляд. — Этот кусок железа покажет север даже внутри микроволновки. Запомни главное правило Разлома: чем сложнее прибор, тем быстрее он станет мусором. Доверься весу собственного тела.

Рев двигателей «Мамонтов» перешел в низкий, вибрирующий рык, который ощущался не ушами, а зубами. Тяжелые бронеплиты внешних ворот ангара медленно поползли вверх. За ними открылась пасть Теллур-54.

Гусеницы головного «Мамонта» впились в лед Восточного щита. Мы рванули вперед, догоняя колонну по колено в алмазной крошке замерзших газов. Внутри кабины пахло озоном от работающих на пределе ионизаторов, пережатой изоляцией климат-контроля и дешевым синтетическим спиртом, который мы пили прямо из горлышка общей фляги, передавая ее по кругу. За трехдюймовым бронепластиком бушевала вечная ночь.

Снаружи было минус сто десять. Ветер гнал поземку, превращая атмосферу в наждак. Мы шли через кладбище. Руины буровых вышек торчали из льда, как гнилые зубы гигантского зверя. Обшивка исполосована когтями Хтонцев, орудийные платформы сорваны с направляю-

щих. Здесь корпорации пытались пробурить лед до мантии обычными лазерами. Лед ответил им тем, что просто сомкнулся обратно, раздавив многотонные машины вместе с экипажами. Теперь это были склепы. Я видел застывшие внутри силуэты сквозь трещины в иллюминаторах рубок: люди сидели за пультами, обняв винтовки, их лица навсегда сохранили выражение удивления. Мороз убивает не больно, он усыпляет.

— Почему они не ушли? — Мара прижалась лбом к холодному стеклу. Ее дыхание оставляло на пластике идеальный круг инея. Она смотрела на мертвую технику внизу, на искореженные фермы, похожие на ребра выброшенного на берег левиафана. — Потому что внизу теплее, чем здесь, — я проверил показания давления в гидравлике. Манометр дрожал на красной отметке. — На дне Разлома геотермальные источники поднимают температуру до минус тридцати. Там можно дышать без маски, если фильтры справятся с серой. А еще там живут твари, которые считают тебя не охотником, а десертом. Выбирай, биолог. Медленная смерть от холода или быстрая от поцелуя мертвеца.

Она ничего не ответила. Только крепче сжала свой дорогой планшет, словно тот мог защитить ее от взгляда пустых кабин за бортом.

Мы прошли мимо перевернутого тягача. Его днище было вскрыто, словно консервная банка. Из рваного металла росли бледные, фосфоресцирующие лишайники — они питались остаточным теплом реактора, который остывал уже сотню лет. Красиво и смертельно. Природа Теллура всегда брала свое.

Ровный гул двигателей начал сбиваться. Сначала легкая вибрация прошла по полу, потом кабину затрясло так, что заклацали зубы. Красный свет аварийных ламп залил наши лица кровью. — Потеря охладителя главного контура! — проскрежетал из динамиков голос Ржавого, старшего механика каравана. — Седьмая машина встала! Северов, ко мне!

Я бросил флягу Маре. Поймал ее испуганный взгляд. — Сидеть здесь. Не выходи, пока я не дам сигнал. Поняла? — Но протокол безопасности гласит... — Твой протокол сейчас превратит нас в ледышки! — рявкнул я, натягивая тяжелую внешнюю оболочку скафандра поверх термокомбинезона. — Если реактор пойдет вразнос, эта гусеница станет нашей братской могилой. Жди!

Ветер снаружи ударил как молот. Он нашел микроскопическую щель в уплотнителе ворот и швырнул мне в лицо облако ледяных игл. Они вонзились в кожу шеи тысячей раскаленных иголок. Терморегулятор моего костюма взвыл, пытаясь компенсировать перепад температур.

Реактор вездехода Ржавого дышал смертью. Капот был отброшен, обнажая пульсирующее сердце машины. Труба первичного контура лопнула по шву. Клубы жидкого азота вырывались наружу, мгновенно превращаясь в белый, твердый как гранит камень. Механик стоял на коленях в этом крошечном пространстве, его руки примерзли к инструментам.

— Варить нельзя, металл хрупкий, — просипел он сквозь маску. — Нужно ставить временную муфту. Зажимы изнутри. Иначе давление выдавит прокладку, и нам конец. — Сколько времени? — Пять минут. Потом температура ядра прыгнет выше критической. Автоматика сбросит стержни, но инерция... Бум будет красивый.

Пальцы в перчатках не слушались. Костюм задубел от мороза. Я отстегнул магнитные фиксаторы внешней брони, чтобы получить больше подвижности. Ошибка. Холод впился в термоизоляционный слой комбинезона, прошивая его насквозь.

Первый зажим пошел легко. Второй упал в снег и тут же исчез в нем, став частью ландшафта. Третий нужно было завести внутрь трубы, где азот кипел при контакте с теплым металлом.

Я сунул руку в жерло разорванного реактора. Боль была мгновенной и абсолютной. Это не мороз. Это отсутствие тепла. Мои нервные окончания взвыли. Кожа перчатки начала промерзать, теряя гибкость, превращаясь в стекло. Еще пара секунд, и рука сломается от легкого удара.

Муфта вошла в паз. Осталось защелкнуть внутренний замок. Я давил большим пальцем, чувствуя, как трещит сустав. Замок не шел. Давление газа изнутри сопротивлялось.

— Илья! — голос Мары раздался в шлемофоне. Она вылезла из кабины седьмой машины. Дурочка. — У тебя падает заряд батареи обогрева! Сорок процентов! Тридцать! — Заткнись и следи за горизонтом! — выдохнул я. Пар кристаллизовался прямо перед глазами.

Костюм на правой руке сдался. Внешняя оболочка треснула вдоль предплечья с тихим звоном разбившегося стекла. Мороз коснулся живой плоти. Я почувствовал, как кожа покрывается коркой льда.

Если я сейчас вытащу руку, ткани погибнут от термического шока при попытке согреться. Гангрена в полевых условиях означает ампутацию плазменным резакром. Без наркоза. Или медленную смерть от сепсиса.

Но если я не закрою замок, мы все умрем через три минуты.

Решение пришло само. Оно никогда не бывает героическим. Оно грязное, холодное и очень экономичное.

Левой, здоровой рукой я перехватил рукоять ручного плазменного резакра, висевшего на поясе. Щелкнул предохранителем. Жар лизнул бедро даже сквозь слои защиты. — Что ты делаешь?! — крикнула Мара.

Я приставил раскаленное сопло к своему правому запястью, чуть ниже края треснувшей брони. И нажал спуск.

Боль догнала меня секунду спустя. Запахло палеными волосами, синтетикой и собственной вареной плотью. Плазма шипела, пожирая рукав и мою кожу, намертво сваривая края раны. Кровь вскипела, запечатывая сосуды. Локальный ожог четвертой степени. Рука ниже локтя умерла мгновенно, превратившись в кусок бесполезного, нечувствительного мяса. Но она перестала мерзнуть. Нервные окончания сгорели, забрав с собой пытку стужи.

Замок щелкнул. Муфта села плотно. — Есть герметизация! — прохрипел Ржавый, бросаюсь к панели управления. — Контур стабилен! Отходим!

Я выключил резак и позволил себе упасть спиной на ледяной настил. Правая рука висела плетью. Под задубевшим краем брони медленно проступало черное пятно запекшейся крови и пластика.

Мара стояла надо мной. Ее трясло. Не от холода — от ужаса. Идеальная картина мира, где всё решают протоколы и саркофаги, только что разбилась о запах моей сожженной кожи. — Зачем?.. — прошептала она. — Ты же мог потерять конечность. — Я потерял только чувствительность, — я сплюнул вязкую слюну. Металлический привкус железа смешивался со вкусом спирта. — Зато сохранил голову. Добро пожаловать на дно, биолог. Оставь свои красивые слова для отчетов. Здесь выживает тот, кто умеет вовремя себя сжечь.

Где-то далеко во льду, под тяжестью многокилометровой коры, завывала первая Хтонская сирена.

Глава 3. Обряд Кровавого Следа

Кладбище брошенной техники осталось в десяти милях позади, но его призраки все еще шли с нами. Мороз на дне ледяного щита был другим — не сухим и колючим, как на поверхности, а тяжелым, влажным. Он оседал на визорах скафандров толстой коркой льда, которую приходилось сбивать прикладом.

Мы встали на краю термокарстовой воронки. Внизу дышала земля. Из трещин в черном базальте вырывались струи пара, пахнувшего серой и кипяченой смертью.

— Дальше гусеницы бесполезны, — прохрипел Ржавый по внутренней связи. — Слишком круто. Жар плавит траки. Спускаемся пешком.

Выход из «Мамонта» ударил по легким. Воздух Разлома обжигал гортань даже через фильтры. Мы закрепили тросы на ржавых остатках буровой вышки. Первым пошел я, вбивая кошки в подтаявший лед. За мной спускался носильщик — молчаливый парень со шрамом через всю шею, имени которого никто не знал. Третьей шла Мара. Я слышал ее тяжелое дыхание в шлемофоне: идеальная биология корпорации плохо переносила реальную гравитацию и нехватку кислорода.

Свежий след мы нашли у подножия старого гейзера. Лед здесь был не белым, а мутно-опаловым. Хтонцы передвигаются бесшумно, скользя по льду на перепончатых лапах, но они оставляют другие метки. На камнях виднелись глубокие царапины от костяных наростов на локтях, а в одном месте прозрачный лед был покрыт тонкой радужной пленкой — застывшей гемолимфой. Тварь прошла здесь меньше суток назад. И она была голодна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.